

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Расколотый мир / Татьяна Гармаш-Роффе. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Искусство
детектива. Романы Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-110029-2

Александра никогда не сомневалась в своей способности нравиться мужчинам и потому не удивилась, когда у нее завелся новый поклонник, красивый молодой человек. Но он позволил себе перейти границы, и Александра сурово дала ему отставку. А спустя неделю их с Алексеем Кисановым детей, двойняшек, похитили! Что это? Киднеппинг с целью выкупа? Или месть юного поклонника за холодность Александры? А может, это наказание за ее разоблачительную статью? Или это вовсе не ей месть, а Алексею? От кого-то из тех, кого он отправил за решетку? Как бы то ни было, но их восьмимесячные дети бесследно исчезли! Алексей Кисанов срочно прерывает командировку на Урале и возвращается домой, чтобы расследовать это похищение. Однако выясняется, что похититель не оставил ни одной улики! Все говорит о том, что к похищению он хорошо подготовился... Где же искать разгадку? Ведь каждая истекшая секунда ставит под угрозу жизнь их с Александрой детей!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110029-2

© Гармаш-Роффе Т. В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ЧАСТЬ I

ЗАПАХ СЧАСТЬЯ

БА И ДЕ

В начале ноября ударили морозы, пришлось доставать шубу и зимние сапожки. Снег лег крепко и уверенно и успел плотно притоптаться к земле многими ногами. Александра шла с некоторой опаской, но все равно пару раз поскользнулась. Выручила коляска, за ручку которой она держалась.

Малыши на улице успокоились, что радовало. В последнее время они капризничали — зубки резались резво, один за другим. Сегодня дневной сон совсем не задался, и Александра решила выйти на вечернюю прогулку раньше обычного.

На улице все детей отвлекало: в их недавно начавшейся жизни каждый предмет был полон смысла и подлежал изучению. Так заполняют чистый лист первые буквы, еще не выстраиваясь в слово: де... пти...

Светло-серые, резко очерченные тучи толпились в небе, и Александра рассеянно посматривала на них, пытаясь угадать, принесут ли они потепление.

Скверик, в котором она прогуливала малышей, являл собой маленькое, но очень своеобразное пространство в большом городе по имени Москва. В городе, где все торопились, где толкались, чертыхались, брали приступом автобусы, троллейбусы

и метро. Но здесь, в сквере, в небольшом прямоугольнике, стиснутом с четырех сторон суетными улицами, — здесь жизнь протекала по иным законам. Она была неспешной; она сопротивлялась быстрым и резким движениям — она была праздногогулочной. Эту жизнь населяли собачники, мамы с колясками и прочие личности, имевшие прихоть и возможность гулять. Гулять — а не бежать по делам!

Из-за низких туч неожиданно выглянул острый, как стилет, солнечный луч, уколоч глаза. И тут же кто-то громко чихнул позади нее.

Александра обеспокоенно обернулась: не хватало только, чтобы малышей заразили!

— Это от солнца, — улыбнулся ей молодой человек, шедший за ней. — У меня такая реакция на солнечный свет. Я не заразный, не бойтесь. Пенс, фу! — вдруг закричал он. — Фу, к ноге!

Ирландский сеттер, вынюхивавший что-то на газоне невдалеке, поскребывая лапой снег, поднял голову, посмотрел на них задумчиво и вдруг рванул в их сторону галопом, в котором чувствовалась щенячья жизнерадостность. Его солнечно-рыжая шерсть потекла по ветру.

— И за что же вы его Пенсом обозвали? Он вполне на фунт стерлингов потянет! — усмехнулась Александра.

— А чтоб не задавался, — ответил ей парень. — К ноге, Пенс!

Пробегая мимо коляски, пес лизнул детскую щеку и тут же скакнул к хозяину, ткнувшись медной башкой ему в колени.

Дети показывали ручками, облаченными в варежки, на собаку. «Ба-а», — произнесла Лиза, а Кирюша неуклюже повторил за сестрой: «Па-а!»

Кирюшка был старшим — родился на семна-

дцать минут раньше. Крупнее сестры, флегматичный, добродушный увалень, он смотрел на мир философски. Лизавета была беспокойнее, подвижнее и реактивней. Всякое, даже пустячное, событие находило в ней немедленный отклик.

Пес рвался к детям. Молодой человек вопросительно посмотрел на Александру.

— Он не может укусить? — спросила она.

— Ни за что!

— Ну, пусть тогда пообщаются... Только вы его придерживайте! — решила Александра.

Юноша приотпустил поводок, и пес прыгнул к детям. Он привстал, пытаясь упереться лапами в спинку коляски, но из этой затеи ничего не вышло: конструктор двойной прогулочной коляски отнюдь не имел в виду подобное ее использование. Тогда пес сел и положил лапы детям на колени.

— Ты только не балуй, Пылесос! Поаккуратней, слышишь?

— Пылесос?

— Это его кличка. Пенс — имя, а Пылесос — кличка.

— Хм, — озадачилась Александра. Как известно, у собак имен нет, все клички. И она не знала, парнишка сказал так по неосведомленности — или оригинальничал? Но ей, любительнице всяких оригинальных выражений, понравилось. — И отчего же?

— Он обожает, когда я его пылесосу... Или пылесосу? Как правильно?

— Пылесосу... Это считается просторечным выражением, но допустимым.

— Так вот, он всегда специально ложится поперек коврика, чтобы я его пропылесосил.

Александра посмотрела на юношу внимательно-

нее. Он со всей очевидностью любил свою собаку, а ей нравились люди, которые любят зверей и детей.

...Когда псина решила умыть детские мордахи огромным своим языком — отчего малыши пришли в полный восторг, жмурясь и хохоча, — Александра запротестовала. Конечно, очень важно, чтобы дети не боялись животных, однако столь тесная дружба несколько превышала ее гигиенические принципы.

Молодой человек приструнил Пенса, и остаток прогулки тот шел, смиренно труся возле ног хозяина. Мало-помалу выяснилось, что юношу зовут Степан.

— Чудное имя! — сказала Александра. — Отдающее историей и подвигами! А чем вы занимаетесь, Степан? Учитесь? Работаете?

— Учусь, — ответил он. — В Историко-архивном институте.

— Это здорово, — серьезно ответила она. — Нам сейчас, на мой взгляд, очень нужны специалисты не просто по истории, которую так легко перевернуть под надобности политики, но люди, способные подтвердить любые суждения о ней архивами, фактами!

— Вот я тоже так решил. История — не точная наука, не математика, но все же она должна придерживаться правды...

Он попал в точку. Александра увлеклась, — они еще с час, не меньше, проговорили об истории и о политических искажениях оной.

Прощаясь, Александра думала о том, что парнишка совсем юн — лет девятнадцать-двадцать, не больше, — но весьма неглуп и что беседа с ним была приятной.

ЛЮБОПЫТСТВО КАК ПРОФЗАБОЛЕВАНИЕ

В наследство от своей таксистской жизни Николай Петрович получил раздавленные ноги и привычное любопытство к людям. Не то чтоб он любил совать нос в чужие дела, но профессия приучила. Иной клиент сам заговаривал, другой, казалось, только и ждал, чтоб его спросили. Николай Петрович и привык спрашивать. И слушать привык — да не ответы, а целые исповеди! Редко кто молчал в его такси, но в этих редких случаях он и не приставал. Не тянет клиента на откровенность, и не надо. Николай Петрович столько историй наслушался за свою жизнь, что хоть садись романы пиши. Им бы, писателям, в такси сначала поработать, а потом уж за книжки браться! А то пишут хрень всякую, жизни не знают!

Николай Петрович за долгие тридцать лет за баранкой стал ощущать себя едва ли не духовником. И теперь, после той автокатастрофы, когда пьяный козел вылетел со своим джипом на встречную полосу и вмял железо в ноги Коляна — отчего пришлось пересесть ему в инвалидное кресло, — ему не только баранки доставало, но и этих разговоров. Томила его тишина. А без ног-то не очень пойдешь в народ погуляешь...

Жена его давно уже померла, а доча за турка замуж вышла, да и уехала в Турцию. Деньги присылает — а то как бы он жил на пенсию? — и фотки иногда. Детей они там со своим турком четверых наплодили, все мальчишки, — вроде внуки ему, но, глядя на смуглые лица, не чувствовал Николай Петрович в них никакой родственности. Может, если бы росли на его глазах, он бы и привязался. А так...

Васятка только выручал. Давний сосед, друг и

собутыльник, и тоже шофер, такое вот совпадение. Познакомились они, правда, чисто по причине соседства, а не профессии. Васян до сих пор баранку крутит, хотя даже постарше Коляна, уже под шестьдесят пять ему. Но Васян огурцом — высокий, жилистый, крепкий. Вот что значит ноги иметь! Не то что Колян — раздобрел он в своем кресле, щеки наел, живот на коленках лежит... А ведь тоже росту не маленького был... Эхма!

С другой стороны, что ему, инвалиду, осталось из радостей жизни? Только поесть вкусно да выпить! И если есть, кто в него камень захочет кинуть, так Колян пригласит этого кидателя камней на свое место: в инвалидную коляску. Нехай посидит, прочувствует!

По вечерам сосед регулярно к Колянцу навещается — они выпивают вдвоем по чарочке-другой-третьей. У Васиана полон дом: жена, дочка взрослая — мать-одиночка она — и внучка, ей уже шестнадцать... Вот и смывается он от бабья своего к Колянцу. И душевно сживаются они вечерами, запивая беленькой философские о жизни рассуждения да огурчиком их горечь заедая.

И однажды, за чарочкой, Васян ему и посоветовал: сдай, мол, комнату!

Хороший совет, дельный. Ему лично, Колянцу, и одной комнатенки за глаза хватает, а деньги лишними не бывают, зато и будет с кем поговорить!

Вот так и вышло, что Колян сдал комнату в своей двухкомнатной квартире. Сдал парнишке, молодому, но денежному. Он у какого-то богатея охранником служил и зашибал очень прилично. Отчего легко согласился на четыреста долларов за комнатенку. И возраст его располагал: совсем юнец. Ударяя по рукам с новым жильцом, мыслил себя Колян будущим наставником его жизни...

Только вышел облом. Деньги парнишка платил исправно, но оказался скрытен. Вроде и разговорчив, да странно как-то. Слова говорит, а будто ничего и не сказал. Что-то о погоде, что-то о ценах, что-то про пенсионную реформу, но о себе ни-ни. И выпить всегда отказывается.

Правда, добрый малый и не жадный: старое инвалидное кресло-коляску Николаю Петровичу не только отремонтировал, но и усовершенствовал, электрическим приводом снабдил, так что теперь Колян мог дать отдых натруженным рукам и больше не крутить колеса: моторчик сам их вел, только сиди да управляй! Почти такси, едрить твою...

Почти, да не почти! Моторчик дело делал исправно, а вот душевно пообщаться Коляну со своим «клиентом» не получалось. Отделывался парнишка вежливыми фразами да в свою комнату поскорее нырял. Обидно это было Николаю Петровичу. Мог бы и уважить мальчонка старого таксиста: уж ему, чай, есть чем поделиться с подрастающим поколением!..

Может, потому, что подрастающее поколение в лице квартиранта упорно игнорировало житейский опыт и накопленную с ним мудрость инвалида, он, пребывая в дефиците общения, стал все больше интересоваться жизнью своего комнатосъемщика. «Надо ж знать, кого к себе в салон посадил!» — оправдывался перед собой Николай Петрович, въезжая однажды в комнату своего жильца, в отсутствие последнего, разумеется.

И не зря он полюбопытствовал. Кое-что удивило его — да так удивило, что позвал он Васяна на совместную экскурсию в комнату жильца.

— Гляди, — говорил он приятелю, открывая

створки шкафа, — мальчишка живет, как на перевале! Вот пакет с трусами, вот пакет с носками, одна рубашка и одна майка. И вот сюда глянь, — переехал Колян на сторону платяного отделения, — один костюм висит. Это нормально, по-твоему?

— А чего такого? — не врубался Васян.

— Так он уже две недели тут живет! За это время можно вещи разложить, по-твоему? Или у него их нету, мужских вещей?

— Ты почему так решил?

— А вот посмотри! Скажи мне, что это такое?

— Журналы, — пожал плечами Васян.

— Да ты глянь, какие журналы! Для женщин!

— Ну, и чего?

— А то! Ты вот журналы для баб читаешь?

— Нет. Хотя заглядывал пару раз, у моих полно этого добра.

— А пошел бы сам покупать?

— Ни боже мой!

— А он накупил. Сам!

— Может, дал ему кто?

— Не, ну ты скажешь! Тебе б дали — ты бы взял?

— Не взял.

— То-то.

Некоторое время друзья молчали, размышляя. Первым прорезался Колян.

— Васян, он голубой, что ли? — делился подозрением со старым другом Колян. — Журналы для баб — это как понимать, а?

— А черт его знает... — чесал лысину Васек. — А в бабскую одежду он не переодевается?

— Не видал. А зачем ему в бабскую?

— Ну, там у них есть такие сдвиги по фазе: в баб одеваются. Как-то видел я по телику.

— Хм. А если не одевается, значит, не голубой?

— Да кто их разберет... Не знаю я. А девки у него нет?

— Нету вроде.

— Сюда не водит?

— Не водит, это точно, а то б я просек.

— Наверное, голубой тогда.

— От на свою голову пустил к себе... Не люблю я этих!

— Да ладно те... Он к тебе не пристаёт?

— Нет. Хотя вот с креслом помог, ты же знаешь.

— Ну, это не доказывает ничего.

— Не доказывает, — согласился Колян. — А все же ты мне скажи: вроде добрый такой, да? А слова из него не вытащишь!

— Слушай, а на кой хрен тебе это нужно, разбираться? Тебе не по фигу? Голубой, розовый, серо-буро-малиновый... Пошли лучше выпьем!

ДАМА С СОБАЧКАМИ

Как-то Роман увидел в киоске журнал, где на обложке было крупно «Секрет женского обаяния». Он купил: хотел узнать этот секрет.

Секрета он так и не узнал: там какая-то бурда была написана. Про духи, да украшения, да маникюр... Да они все, женщины эти, с духами, и с украшениями, и с маникюром! И ни одной это обаяния не прибавило!

У него было много богатых клиенток, которые могли себе позволить все то, о чем в статье писалось. И пахли они, как журнал проповедовал, и цацки положенные носили, а толку никакого. Некоторые даже были совсем неприятные. Только и думаешь: скорей бы уже свалила! Зато иные как на-

магнитные, так и хотелось забраться к ним в машину, чтоб увезли с собой...

Так что фигия в статье была. Но он другое понял: женщинам это важно. Какие на них цапки, какой маникюр. И стал время от времени делать клиенткам комплименты.

С тех пор его чаевые удвоились. Тогда Роман решил почаще покупать такие журналы и почитать. Вычитал еще про обувь, взял на вооружение. И когда появилась Дама с Собачками, он ей первым делом сказал: «Какие у вас красивые босоножки». Она хмыкнула: «А ножки, что ли, нет?»

— И ножки, — он смутился.

Красотка потрепала его ручкой по щеке и сказала, что он милашка. Потом прищурилась, окинула его взглядом с головы до ног и произнесла:

— Жалко, маленький еще. Сколько тебе, восемнадцать?

— Девятнадцать.

— Сосунок, — заключила она. — Малолетних не развращаю.

Он еще больше покраснел, а она залилась смехом.

— Неужто девственник, такой красавчик? Ну, годика через два я тебя ее лишу, если раньше никто не возьмется за это неблагодарное дело... А пока машину мою посмотри! Она почему-то подседа набок. Только имей в виду, оставлять я ее не буду. Или сразу чинишь, или я уезжаю.

Машина подседа набок по очень простой причине: одно колесо немного спустило. Он объяснил это хозяйке.

— Так ты сразу починишь?

Роман не мог сдержать улыбки: такое не называлось словом «починить». В лучшем случае колесо нужно подкачать, в худшем — поменять.

— Минут пятнадцать, — ответил он.

— Прекрасно!

Женщина открыла заднюю дверцу, немного пошебуршилась в машине и выпустила оттуда четырех собак разных размеров. Они вели себя на удивление дисциплинированно, только шкурами потрясли. Роман не смог бы назвать породы этих псин, но у него создалось ощущение, что хозяйка их подбирала по цвету, соблюдая гамму осеннего листопада — от золотистого нюанса меда до глубокой меди. Это тональное братство было предназначено, без сомнения, служить обрамлением для их хозяйки, чей наряд сочетал охру и терракоту.

Крепенько ухватив маленькой изящной ручкой все четыре поводка, красотка направилась за ограду выгуливать свою собачью бригаду, а он еще некоторое время смотрел ей вслед, испытывая смутное волнение. Ее костюмчик — короткая юбка и нечто на бретельках, пикантно приоткрывавшее снизу загорелый живот и сверху грудь, — вызвал в нем тоску и желание.

Желание женщины?

Или другой жизни?

Роман не знал ответа на этот вопрос. Да он, собственно, его никогда и не пытался сформулировать. Просто чувствовал, что Дама с Собачками его волновала. Вот и все.

Ее темно- и томно-красный «Мерседес-350» с глубинно-золотой искрой оказался машиной удивительной — или хозяйка у него оказалась удивительная? — но неисправности в нем возникали регулярно. Мелкие, но зато чуть ли не каждую неделю. То стекло заедало, то ручка не открывалась, то зеркало трескалось, то легкая вмятина, то царапи-